

К 170-летию со дня рождения М. Ф. Ахундова

Я ЛЮБЛЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО...

«Я люблю человечество. Я преданный слуга того, кто любит человечество».

М. Ф. АХУНДОВ.

В Шеки я был в начале июня. В пору росистых мурав, коротких вечерних гроз и теплых дождей. В душистых запахах эйлагов, вытканых сплошь из ромашек и синих фиалок, веселых плясках бабочек с яркими разводами на прозрачных крылышках, соловьиных трелях шествовало по земле лето. Каждое утро, чуть свет пробуждаясь от криков птиц и шелеста юной листвы под окном, я начинал ловить себя на ощущениях, что однажды уже где-то читал про эти самые полные необузданного буйства дни. Но где? Долго гадал, мысленно перелистывая Фета, Пришвину, Аксакова, пока мой спутник художник-реставратор из Дворца шехинских ханов Ашраф Расулов по дороге к домику-музею великого драматурга и просветителя Мирзы Фатали Ахундова не припомнил мне строчки из его знаменитой «Восточной поэмы»:

Так ярко луга,
так горит жасмин,
Что нарцисс опьянел
от грез.

Облака полны
голубых дождей.
Благовеньем —
ветер с утра.
Птахи сладостно
на заре поют:
Расцветай же,
зелень, пора!

Чувство огромной силы, я бы сказал какое-то трепетное благоговение испытываешь, когда поднимаешься по покосившимся ступеням на обмазанную глиной веранду небольшого домика, в котором в 1812 году родился, а затем провел детские годы человек, бросивший смелый вызов своему времени: «Я хочу проложить народу путь к воспитанию, науке, процветанию и цивилизации», — Мирза Фатали Ахундов.

«Домик Ахундова» мало чем отличается от тех, в которых в то время жили люди небогатого достатка. Небольшой, приземистый, с открытой верандой и под черепичной крышей. С веранды одна из дверей ведет в полутемную комнатку с низким закопченным потолком. Приятно пахли недавно побеленные стены. В их нишах — «шкафах» тех лет — хозяйственная утварь, посуда, аккуратно свернутые одеяла. На столе — письменные принадлежности: керосиновая лампа, пожелтевшие книги на азербайджанском и русском языках — «из его тифлисской библиотеки» — уточняет Ашраф.

Воображение рисует худенького мальчишка с черными, цвета спелой вишни,мышленными глазами, спешащего по зову муэдзина по кривой, мощенной камнями улочке в моллахану — духовную школу при мечети — учиться корану, арабскому и фарсидскому языкам, а в свободное время вместе с мальчуганами с соседних улиц затевающего разудалую игру «божа ковручу».

Если Мирза Фатали чем и отличался от своих товарищей, то это, очевидно, поражающим уже тогда взрослых глубоким интересом к познанию окружающего мира, не по-детски серьезным осмысливанием происходящих событий. Близкое общение с родной природой, сердцем прочувствованные краски и запахи гор, их экзотика в дальнейшем помогут ему прийти к выводу, что «природа существует сама по себе, по своим законам, без участия богов, ангелов и людей».

Но прежде чем написать эти строки, Мирза Фатали не один год пришлось учиться догмам ислама в моллахане. И трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы в Гяндже, где он продолжил духовное образование в Дюлма-мечети, на уроках каллиграфии судьба не свела его с Мирзой Шафи Вазахом, поэтом-безбожником. Трудюбивый, жадный до знаний юноша сразу заинтересовал Мирзу Шафи.

Однажды когда в келье никого не было, Мирза Шафи вызвал юношу на открытый разговор:

— Скажи, Мирза Фатали, обучаешь так старательно у меня искусству каллиграфии, какую ты преследуешь цель? — Тебе ли, учителю мой, не знать, какое я избрал себе будущее...

Мирза Шафи грустно улыбнулся:

— Так значит и ты хочешь провести жизнь среди мракобесов, обманщиков и шарлатанов? Так и тебя пониз?

Мирза Фатали показалось, что он ослышался.

Друг мой, — сказал Мирза Шафи, — возьмем его за плечо, — пожалей себя и ищи себе другую профессию. Я тебе помогу...

Васеку сдержал слово. Он стал учить юного Фатали не только красиво выво-

дить на бумаге арабскую вязь почерком «насталик», но и, как вспоминает сам Ахундов, говорить с ним «о вещах, которые до того времени были покрыты мраком неизвестности. Мирза Шафи снял пелену с очей моих, мешавшую видеть и ощущать мир, и я вскоре возненавидел духовенство и свои намерения изменил». И вскоре по его совету Ахундов поступает в Нухинское казенное училище, чтобы выучиться русской словесности.

— Русский язык, Мирза Фатали, — ключ ко многим наукам, — говорил он ему на прощание. — Он познакомит тебя с европейской цивилизацией...

А через год судьба приведет его в Тифлис: решив посвятить себя изучению истории, этнографии и литературы народов Кавказа, Мирза Фатали поступит на работу в канцелярию главноуправляющего гражданской частью на Кавказе на должность переводчика с восточных языков.

Тифлис, административный и культурный центр тогдашнего кавказского края, гостеприимно, хотя и несколько настороженно встретит юношу из Шеки. Но и здесь Ахундов найдет немало друзей. Знание русского языка сблизит его с живущими в Тифлисе великим армянским просветителем Абовяном, известным востоковедом Берже, с сосланными на Кавказ участниками польского восстания 1830 года Потоцким и Лада-Заболотским, декабристами Одоевским и Бестужевым-Марлинским. Последний, живший мечтой «переодеться и уйти в глухие аулы Кавказа», попросит Ахундова помочь ему совершенствоваться в азербайджанском языке. Забегая вперед, скажем, что Марлинский не единственный, кто пользовался услугами Ахундова. «Ученый татар Али», у которого, будучи в Грузии, брал уроки азербайджанского языка М. Ю. Лермонтов, по мнению нашего замечательного ученого и писателя Ираклия Андроникова, был не кто иной, как Мирза Фатали, к тому времени по совместительству и преподаватель словесности Тифлиского уездного училища.

18 февраля 1837 года выдался на редкость холодным в Тифлисе. С утра густые свинцовые тучи обложили небо, в порывах стылого ветра шумели деревья. По склонам Мтацминды, словно тени, заскользили рваные облака. А к вечеру весь город с мостами через Куру и мельницами под Ортачалинскими садами и Метехским замком на крутом обрыве в буквальном смысле потонули в колючей снежной мгле.

В этот вечер Мирза Фатали по обыкновению работал допоздна. В камине в углу гостиной сизая пелена пепла давно уже задержала последнее доторгавшее полотно. Часы, торопливо тикающие на стене, показывали одиннадцать, когда внизу, в дверях, настойчиво задребезжал колокольчик.

В запорошенном снегом, закутавшемся в широченный шарф позднем госте Ахундов не сразу признал Марлинского. Керосиновая лампа, поднятая над его головой, осветила бледное, расстроенное лицо.

— Искендер-бек?! Рад тебя видеть, друг мой! Милости прошу к теплу очага...

Марлинский долго молчал, нервно теребя в руках шапку. Снег, оттаяв на плечах шинели, крошечными ручейками стекал на крашеный дощатый пол. Мирза Фатали насторожился: в таком смятении он еще никогда не видел писателя.

— Случилось что?..

И когда, наконец, гость заговорил, Ахундов не узнал его дрогнувший, будто сломавшийся голос:

— Я к тебе, Мирза Фатали, в столь поздний час с печальной вестью. В Петербурге на дуэли убит Пушкин. Мне об этом только что сообщил офицер, побывавший на серебряной свадьбе у барона Розена. Русская поэзия осиротела...

Не уснул в ту ночь и Мирза Фатали. До самого рассвета на его круглом резном столике у холодного окна не гасла лампа, неровным, гаштым светом освещающая написанные мелким бисером листочки. Несколько раз Мирза Фатали, отодвинув перо, вставал и, закури трубку, подходил к окну. На улице было тихо. Удивительно тихо для такого ненастного дня. Лишь ветер, нагоняя тоску, уныло скулит в соседних крышах, да раз, скрипя колесами, мимо проехала нагруженная арба.

Мирза Фатали, припав к окну, силился взглянуть в ночь, а видел в расписанном инеем окне, совсем как в зеркале, свое посеревшее от усталости, хмурое лицо. Закурив потухшую трубку, он снова сядил за столик, на котором уже рождались сердцем выпланные строч-

ки из поэмы «На смерть Пушкина». Поэмы, о которой скоро заговорит Россия:

Он мишенью стал
для злодейских пуль,
Жизнь горячую пресекали
Черной властью раб,
Черной тьмы гонец
Подстрелили певца издали.

Это была одна из последних встреч Ахундова с Искендер-беком: 7 июня 1837 года Бестужев-Марлинский погибает при высадке морского десанта на мыс Адлер. Для всех очевидцев, в том числе и Ахундова, принимавшего участие в этой Абхазской экспедиции в свите главнокомандующего барона Розена, осталось загадкой — как и при каких обстоятельствах погиб писатель-декабрист: тела его ни среди убитых, ни среди раненых не оказалось.

На следующее утро в лесу, неподалеку от моря, стрелки-мигирельцы набрели на часы с музыкой, принадлежавшие Марлинскому. Барон Розен, которому позднее на фрегате «Анна» показали находку, поднес часы к уху. Часы продолжали исправно тикать, отсчитывая время, прожить которое, увы, не суждено было их владельцу.

— Представьте себе, идут! — пожимая узкими плечами, сказал он и повернулся к офицерам. Увидев среди них грустного, поникшего Ахундова, обратился к нему: «Мирза Фет, успел ли Марлинский переложить на русский язык Ваше сочинение о Пушкине? Я, помнится, просил его об этом...».

Мирза Фатали сделал вид, что не расслышал.

«Еще одна утрата... Повешен Рылеев, убит Грибоедов, убит Пушкин, вот уже двенадцать лет смерть под пулями мюридов ищут Полежаев, Одоевский, а теперь вот не стало нашего славного, многострадального Искендер-бека, — ушел в горестные думы Мирза Фатали. — А ведь чернила еще не высохли с переведенной им всего два дня назад в Сухуми моей поэмы. Неужто такая печальная судьба поэтов России...».

В будущем Ахундову по делам службы придется много путешествовать. Он объедет Азербайджан, Грузию, побывает в Армении и «Стране гор» Дагестане. Ему доведется участвовать в ряде экспедиций Отдельного кавказского корпуса, в турецкой кампании 1855 года, как переводчик, прекрасно владеющий арабским, фарсидским и русским языками, будет сопровождать миссию генерала Шиллинга в Иран. Эти поездки помогут ему лучше познать жизнь народов, ближе познакомиться с их обычаями, географией и этнографией края. Подсмотренные в поездках образы, бытовые сцены и прочие любопытные для сердца и ума вещи, подслушанные песни и легенды потом лягут на страницы его литературных произведений, подготовят почву для будущих научных исследований и философских раздумий. Так, видя одно из серьезных препятствий к распространению просвещения и образования в арабском алфавите, силой навязанном народам Востока исламом, Мирза Фатали выступит за его реформу, разработает свой новый, научно основанный алфавит на основе букв латинского языка. Но, увы, в царской России меньше всего думали открывать народам двери в цивилизацию. Старый «алфавит являлся составной частью нашей эры» — заявили Ахундову и в Стамбуле, куда он поедет представлять проект нового алфавита на рассмотрение Турецкой академии наук.

Мирза Фатали Ахундов проживет большую, яркую жизнь, с успехами и признаниями, сомнениями и разочарованиями, жизнь с днями полных друзей и тягостных размышлений в одиночестве. Но ни материальные лишения, ни утраты близких, ни неприязнь к нему духовенства и мира имущих не в состоянии были повернуть его в уныние, сломить его мятежный дух. Платой этому были любовь и признательность простого народа. Еще до революции его комедии не раз ставились в театрах Баку, Тифлиса, Елисаветполя и Кабула, «Везиры Ленкоранского ханства» на грузинский язык собственноручно переводил великий поэт и гражданин Акакий Церетели.

Шеки... У меня в глазах часто встает этот опрятный, нес в зелени садов городок, прилепившийся у подножия старой крепости. И скромный домик со столетней чинарой во дворе. Мирза Фатали вышел из этого дома, из этого города, из самой гущи народа. А великие всегда выходят из велики, наследуя многовековую боль опыт и мудрость народа. Не в этом ли бессмертие Мирзы Фатали Ахундова?

Ф. ЗАКИЕВ.

ШЕКИ — ТФИЛИС — БАКУ.